

Прус Ирина Владимировна

**Дискурсивные стратегии, практики соучастия и технологии
изменения себя в антиэйджистских веб-сообществах**

Направление подготовки

5.6.4 «Этнология, антропология и этнография»

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Санкт-Петербург – 2026

Работа выполнена на факультете антропологии автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге».

Научный руководитель: **Лурье Михаил Лазаревич**, кандидат искусствоведения, доцент, доцент факультета антропологии автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге».

Официальные оппоненты:

Разумова Ирина Алексеевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона, филиала ФГБУН Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук» (ЦГП КНЦ РАН).

Радченко Дарья Александровна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования “Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»”, факультет креативных индустрий, Институт медиа.

Защита состоится «__» _____ 202_ г. в __.00 на заседании Диссертационного совета Д 002.117.XX (24.1.194.01) по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН по адресу: 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, корпус «В», 18 этаж, Малый зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН www.iea-ras.ru.

Автореферат разослан _____

Ученый секретарь диссертационного совета

кандидат исторических наук _____ О.Б. Наумова

Постановка проблемы

С 1990-х годов в социальных исследованиях детства стала доминировать теория «детской агентности» («children's agency»), предполагающая описание и анализ ребенка как активного и независимого субъекта социальных взаимодействий¹. Подобный рефлексивный ход оказался созвучен публичной риторике, которую формировали идеи эмансипаторных движений и либеральной повестки. «Конвенция о правах ребенка» 1989 года, помимо прочего, легитимировала релевантность мнения ребенка о собственной индивидуальности и образе жизни, а популяризаторы идей «нового родительства», представители соцслужб и семейной психологии обозначили интересы ребенка как ключевой фактор в вопросах воспитания и заботы.

За последние двадцать лет концептуализация статуса детей неоднократно становилась проблемной и в российском контексте. В качестве характерных примеров можно привести моральные паники вокруг вопросов ювенальной юстиции², кейса «синих китов»³ и участия несовершеннолетних в политических митингах⁴. В контексте повышенного исследовательского и общественного внимания к способности или неспособности детей быть полноценными участниками социального мира данная диссертация показывает работу с этим вопросом изнутри — с тем, как сами дети и подростки формируют дискурс о собственной социальной роли.

Диссертационное исследование посвящено анализу антиэйджистских веб-сообществ ВКонтакте, — интернет-пространств, для участников которых изобретение нового языка разговора о несовершеннолетних стало специфическим предметом рефлексии, главной темой в коммуникации между собой и основанием для производства текстов.

Веб-сообщества, называющие себя «антиэйджистами» и ставящие перед собой задачу бороться с «эйджизмом», или с дискриминацией детей и подростков по возрасту, появились в русскоязычном сегменте интернета в первой половине 2010-х годов. Эти веб-сообщества возникали как низовая инициатива — их создатели хотели перевести свое понимание проблематичности детского и подросткового опыта в коллективно разделяемое мнение среди подписчиков веб-сообществ и, в дальнейшей перспективе, в вопрос публичной повестки. Участники антиэйджистских веб-сообществ, преимущественно несовершеннолетние, публикуют личные размышления на темы детства, детских прав и ролей, формулируют манифесты и программные проекты нового детства, в процессе постоянного комментирования и модерирования вырабатывая антиэйджистские языки разговора о детском, свои для каждого из этих веб-сообществ.

Здесь и далее под антиэйджистскими веб-сообществами⁵ понимается следующая сеть групп и пабликов ВКонтакте — «Детско-молодежное освободительное движение БЗР [Борьба за равноправие]» (далее — БЗР; создано в 2012 году, на данный момент 5 606 подписчиков), «АЭК: Антиэйджистская коалиция» (далее — АЭК, создано в 2017 году, на

¹ Prout A., James A. A New Paradigm for the Sociology of Childhood? Provenance, Promise and Problems // A. James, A. Prout (eds.) *Constructing and Reconstructing Childhood*. London, Washington: Falmer Press. 2005. P. 7–32.

² Львовский С. Под знаком ювенальной юстиции // *Pro et Contra*. 2010. Т. 14. No. 1–2. С. 20–41.

³ Архипова А.*, Волкова М., Кирзюк А., Малая Е., Радченко Д., Югай Е. «Группы Смерти»: От Игры к Моральной Панике. Москва: ШАГИ, Лаборатория теоретической фольклористики. 2017. Здесь и далее знаком астериска маркируются упоминания лиц, включенных Минюстом РФ в реестр иноагентов, или организаций, признанных запрещенными на территории России.

⁴ Ерпылева С. «На митинги я не ходил, меня родители не отпускали»: взросление, зависимость и самостоятельность в деполитизированном контексте // С. Ерпылева, А. Магун (ред.) *Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 годов*. Москва: Новое литературное обозрение. 2014. С. 106–140.

⁵ В данной диссертации понятия «веб-сообщество» и «ВК-сообщество» применяются как взаимозаменяемые родовые названия для двух видов веб-страниц в соцсети ВКонтакте, а именно групп и пабликов. Таким образом, «веб-сообщество» и «ВК-сообщество» используются как технические наименования, соответствующие номенклатуре ВКонтакте, а не как аналитические категории.

данный момент 188 подписчиков), «Подслушано: эйджизм» (создано в 2019 году, на данный момент 1158 подписчиков), «Голос неголосующих» (далее — «Голос»; создано в 2020 году, на данный момент 162 подписчика)⁶. Эти ВК-сообщества объединены личными знакомствами авторов и администраторов, взаимными репостами публикаций и пересекающимися аудиториями.

За десять лет существования антиэйджистских веб-сообществ в этой сети появлялись и исчезали (то есть становились заброшенными, «мертвыми» страницами) другие группы и паблики, которые не находятся в центре моего исследования, но упоминаются в качестве небольших отступлений: например, «БЗР в Туле» или «Движение БЗР - Борьба За Равноправие Возрастов» (веб-сообщество, созданное подростками города Закаменск). В соцсетях Facebook* и Одноклассники русскоязычных подростковых антиэйджистских пабликов нет. Некоторые участники антиэйджистских пабликов используют Telegram для организации коллективных чатов, а Instagram* и YouTube как дополнительные инструменты по созданию и распространению контента. В июне 2024 года был создан антиэйджистский Telegram-канал, который прекратил работу после первой вступительной публикации. Таким образом, в российском контексте антиэйджизм представляет собой ограниченный фрагмент дискурса, который можно обнаружить практически только в рамках описываемых в этой работе веб-сообществ ВКонтакте. Небольшое исключение составляет пара материалов, опубликованных на других медиа-платформах и написанных участниками антиэйджистских ВК-пабликов⁷.

В данном диссертационном исследовании рассматривается: во-первых, какие контексты — технологические, социальные, историко-культурные — стоят за формулированием, созданием и публикацией антиэйджистских текстов; во-вторых, какие проекты себя и мира учреждает антиэйджистский дискурс; в-третьих, как конструируются, артикулируются и функционируют эти проекты себя и мира в личных контекстах участников антиэйджистских веб-сообществ. Другими словами, диссертация предлагает разбор того, как, в ответ на что (и/или вопреки чему) складываются конкретные дискурсивные формы (антиэйджистские высказывания) и что намереваются совершить и совершают посредством этих высказываний акторы (авторы, администраторы и подписчики антиэйджистских веб-сообществ). Исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: как производится и манифестируется антиэйджистский дискурсивный проект?

Объект данного исследования — антиэйджистские веб-сообщества ВКонтакте как фрагменты цифрового пространства, в которых администраторы, модераторы, авторы и подписчики взаимодействуют между собой и с публикациями, размещенными в этих группах и пабликах.

Предмет диссертации — стратегии производства антиэйджистского дискурса в веб-сообществах ВКонтакте и социальные эффекты этой дискурсивной работы.

Цель диссертации — проанализировать культурную и историческую специфику дискурса дискриминации несовершеннолетних в антиэйджистских ВК-сообществах и рассмотреть отношения, которые возникают между антиэйджистским высказыванием и субъектами этого высказывания.

Для достижения этой цели были сформулированы и реализованы следующие **задачи**:

⁶ Данные по количеству подписчиков актуальны на 20.09.24.

⁷ См., например: Айман Экфорд. «Мы вам не цветы жизни: 7 фраз о возрастной дискриминации» // Мел. Раздел «Блоги». 26.12.2020. URL: <https://mel.fm/blog/ayman-ekford/45728-my-vam-ne-tsvety-zhizni-7-fraz-o-vozrastnoy-diskriminatsii> (Просмотрено: 03.03.2025). Автор Instagram*-аккаунта @paper_creature иногда размещает на своей персональной странице публикации, посвященные антиэйджизму. Несколько моих информантов рассказывали о том, как пробовали публиковать различный контент об антиэйджизме на своих YouTube каналах или персональных страницах ВКонтакте.

— описать механизмы производства антиэйджистского дискурса с точки зрения социально-технологических условий его создания, опираясь на полевую и архивную работу в антиэйджистских ВК-сообществах: цифровые практики и цифровые пространства;

— определить историко-культурные контексты антиэйджистского дискурса: интеллектуальную историю задействованных в нем риторических стратегий и категорий, условия и механизмы трансфера их в антиэйджистские группы и паблики ВКонтакте;

— представить этнографическое описание антиэйджистских веб-сообществ: биографические траектории участников, способы взаимодействия между собой и окружающими людьми, рефлексии об антиэйджизме;

— исходя из сделанных этнографических наблюдений, сформулировать теоретические перспективы для исследований детства в целом, и антропологии детства, в частности; для исследовательского направления социологии и антропологии знания, занимающихся анализом критических теорий;

— сформулировать методологические перспективы сделанных этнографических наблюдений для цифровой антропологии.

Я предполагаю, что анализ этого дискурсивного проекта, который не влияет прямо ни на большие нарративы о детстве, ни на политические решения или институции, позволяет ухватить контексты и механизмы создания «низовых утопий» — пространств критики и воображения альтернативных способов жизни — в современной России и понять, как на них влияют трансформации цифровых технологий и тенденции в повседневной риторике, какие эффекты они оказывают (или нет) на индивидуальных и коллективных субъектов. С другой стороны, исследование антиэйджистских ВК-сообществ дает возможность пересмотреть и дополнить интеллектуальную историю социально-критического языка описания и анализа детства, в то же время проблематизируя эпистемологический потенциал его категориального аппарата.

Степень изученности темы

Тема диссертации объединяет три проблематики исследований детства, к которым обращались представители разных гуманитарных дисциплин — это 1) вопросы об агентах производства знания о детях и детстве, 2) о практиках соучастия подростков в публичной сфере, 3) об отношениях между детством и утопией. Эти три направления во многом пересекаются между собой, но, как показано далее, каждое из них ставит разные вопросы к материалу, учитывая которые возможно четче определить положения данного исследования.

В исследовательской перспективе в качестве агентов по производству знания о детстве и детском чаще всего рассматриваются профессиональные сообщества или акторы: их опознают как последователей или противников различных интеллектуальных традиций, а их педагогические или академические концепции детства возводят к философии Просвещения, романтизма, социалистического проекта и т. д. (работы Ф. Арьеса, А. Турмеля, Д. Димке, И. Дуденковой и др.⁸). С опорой на это исследовательское направление в диссертации был использован прием реконструкции интеллектуального

⁸ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 1999. 416 с; Turmel A. A Historical Sociology of Childhood: Developmental Thinking, Categorization and Graphic Visualization. Cambridge: Cambridge University Press. 2008. 362 p; Boddington A., Boys J. Reshaping Learning - An Introduction // A. Boddington, J. Boys (eds.) Re-Shaping Learning: A Critical Reader. UK: Sense Publishers. 2011. P. xi–xxii; Димке Д. Ребенок-ангел vs ребенок-герой: некоторые замечания по антропологии педагогики // Детские чтения. 2013. No. 1. Вып. 3. С. 74–99; Дуденкова И. «Детский вопрос» в социологии: между нормативностью и автономией // Социология власти. 2014. No. 3. С. 47–59; Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. Bungay, Suffolk: Penguin Classics. 2020. 352 p; Брендоу-Фаллер М. Овеществляя историю детства // Дизайн детства: Игрушки и материальная культура детства с 1700 года до наших дней. Москва: Новое литературное обозрение. 2021. С. 8–44.

контекста антиэйджизма веб-сообществ ВКонтакте. Этот шаг в академическом тексте в каком-то смысле конвенционален и не требует специального обоснования (хотя его часто обходят стороной исследователи, работающие с представлениями несовершеннолетних о детстве — например, Дж. Тафт, Г. Дженкинс и др.⁹). При анализе антиэйджистских веб-сообществ реконструкция интеллектуального контекста выполняет не историографическую функцию, а аналитическую. Такая техника позволяет не только дескриптивно представить разные, иногда исторически далекие, но концептуально близкие проекты воображения детства, но и работать с вопросами, которые они поднимали, конвенциями, которые они принимали, оспаривали или, возможно, полемически игнорировали, контекстами, в которых эти проекты обретали свою форму, и адресатами, к которым они обращались.

Диссертация опирается на теоретические и этнографические результаты исследований, посвященных детскому и подростковому коллективному участию в публичной сфере, суб(контр)культурным объединениям несовершеннолетних и их практикам сопротивления. Это направление в отечественной антропологии и социологии представлено работами, в которых рассматриваются молодежные политические объединения (работы Д. В. Громова¹⁰), субкультуры (работы Т. Б. Щепанской, Д. В. Громова, В. В. Головина, М. Л. Лурье и др.¹¹), солидарности и культурные сцены (работы Е. Л. Омельченко и ее коллег по Центру молодежных исследований НИУ ВШЭ и НИЦ «Регион» УлГУ¹²). В западноевропейской и североамериканской академии сложилась специфическая форма анализа практик сопротивления несовершеннолетних, в которой принято подчеркивать существование особого детского взгляда на мир (работы Х. Даричи, Г. Дженкинса и др.¹³).

На анализ антиэйджистских веб-сообществ значительное влияние оказали работы Хавы Рейчел Гордон, в которых рассматриваются активистские движения подростков в Окленде и Портленде, выступающие против возрастной дискриминации¹⁴. В этих исследованиях автор описывает, как концепция возрастного неравенства, с одной стороны, приобретает уникальную интерпретацию в каждом из движений в зависимости от пережитых сообществом событий и социально-культурных характеристик участников, с другой — влияет на стратегии партнерских отношений с взрослыми и публичную репрезентацию движения. Таким образом, категории детства и несовершеннолетия выступают не объяснительными моделями для анализа феноменов детских культур, а понимаются как стратегически развернутые дискурсивные формы, которые

⁹ Taft J. K. *Rebel Girls: Youth Activism and Social Change across the Americas*. New York, London: New York University Press. 2011. 241 p; Jenkins H., Shresthova S., Gamber-Thompson L., Kligler-Vilenchik N., Zimmerman A. M. *By Any Media Necessary: The New Youth Activism*. New York: New York University Press. 2016. 352 p.

¹⁰ Громов Д. В. Уличные акции (молодежный политический активизм в России). М.: Институт этнологии и антропологии РАН. 2012. 506 с.

¹¹ Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М.: ОГИ. 2004. 286 с; Громов Д. В. Изучение молодежных субкультур России: современное состояние и проблемы // Этнографическое обозрение. 2008. No. 1. С. 3–8; Головин В. В., Лурье М. Л. Идеологические и территориальные сообщества молодежи: мегаполис, провинциальный город, село // Этнографическое обозрение. 2008. No. 1. С. 56–70; Громов Д. В. (сост.), Мартынова М. Ю. (отв. ред.) Молодежные субкультуры Москвы. М.: ИЭА РАН. 2009. 544 с.

¹² Омельченко Е. Л., Сабирова Г. А. (ред.) Новые молодежные движения и солидарности России. Ульяновск: Издательство Ульяновского государственного университета. 2011. 216 с; Омельченко Е. Л. (сост., науч. ред.) Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. 2020. 504 с.

¹³ Darıcı H. “Adults See Politics as a Game”: Politics of Kurdish Children in Urban Turkey // *International Journal of Middle East Studies*. 2013. No. 45. P. 775–790; Jenkins H., Shresthova S., Gamber-Thompson L., Kligler-Vilenchik N., Zimmerman A. M. *Op. cit.*; Gonick M., Vanner C., Mitchell C., Dugal A. “We Want Freedom Not Just Safety”: Biography of a Girlfesto as a Strategic Tool in Youth Activism // *YOUNG*. 2021. Vol. 29. No. 2. P. 101–118.

¹⁴ Gordon H. R. Allies Within and Without: How Adolescent Activists Conceptualize Ageism and Navigate Adult Power in Youth Social Movements // *Journal of Contemporary Ethnography*. 2007. Vol. 36. No. 6. P. 631–668; Gordon H. R. *We fight to win: inequality and the politics of youth activism*. New Brunswick, New Jersey, London: Rutgers University Press. 2010. 254 p.

контекстуально и исторически специфичны и влияют на план повседневных интеракций самих подростков. Подобный метод анализа позволяет поместить работы Гордон в традицию исследований сопротивления, авторы которых отошли от производства дескрипций идеологического содержания социальных движений и переключили свое внимание на то, как локальные интерпретации «угнетения», «дискриминации» или других категорий формируют активистские движения (работы Д. Грэбера, Р. Брубейкера, Дж. Постилла¹⁵). С опорой на этот подход в диссертации ставятся вопросы об опознаваемом самими участниками антиэйджистских веб-сообществ эмансипаторном потенциале пространств и техник сопротивления, об их роли в публичном пространстве и понимании «публичности».

Третий исследовательский контекст, который позволяет уточнить как структуру кандидатской работы, так и вопросы к некоторым ее частям, — это исследования, посвященные отношениям между детством и утопией. Ключевой исследовательский объект этого направления — образование и его преобразовательный (чаще эмансипаторный) потенциал (работы И. Кукулина, М. Майофис, Д. Димке, А. Козловой, Н. Нэнс-Кэрролла, А. Павлидис и С. Фуллагар и др.¹⁶). Согласно упомянутым авторам, посредством педагогических проектов и низовых образовательных инициатив происходит создание альтернативного социального пространства, внутри которого не только изменяются способы понимания и описания детского, но и формируются технологии работы с собой и миром, подразумевающие преобразование повседневности. С учетом традиции анализа детства и утопии в диссертации были сформулированы следующие вопросы: какие отношения выстраиваются между представлениями участников антиэйджистских ВК-сообществ о детях и подростках как об агентных субъектах с «официальным» контекстом и контекстом их собственного коллектива? как эти представления реализуются в качестве элемента их жизненного мира?

Теория и методы

Для решения задач исследовательского проекта и анализа материалов полевой работы данная диссертация опирается на методы и концептуальный аппарат истории

¹⁵ Graeber D. *Direct Action: An Ethnography*. Edinburgh, Oakland, Baltimore: AK Press. 2009. 568 p; Брубейкер Р. Этничность без групп. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. 2012. 408 с; Postill J. *The Anthropology of Digital Practices: Dispatches from the Online Culture Wars*. New York, London: Routledge. 2024. 194 p.

¹⁶ Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: New York University Press. 2006. P. 169–205; Kraftl P. *Utopia, Childhood and Intention* // *Journal for Cultural Research*. 2009. Vol. 13. No. 1. P. 69–88; Freeman-Moir J. *Crafting Experience: William Morris, John Dewey, and Utopia* // *Utopian Studies*. 2011. Vol. 22. No. 2. P. 202–232; Самутина Н. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // *Социологическое Обозрение*. 2013. Т.12. No. 3. С. 137–194; Pavlidis A., Fullagar S. *Women, Sport and New Media Technologies: Derby Grrrls Online* // A. Bennett, B. Robards (eds.) *Mediated Youth Cultures. The Internet, Belonging and New Cultural Configurations*. London: Palgrave Macmillan. 2014. P. 165–181; Кукулин И., Майофис М., Сафронов П. Намывная острова: позднесоветская образовательная политика в социальных контекстах // И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов (ред. и сост.) *Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940—1980-е)*. Москва: Новое литературное обозрение. 2015. С. 5–32; Димке Д. Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х годов. Москва: Common place. 2018. 264 с; Козлова А. Как воспитать пионеров самостоятельными и инициативными: педагогические тактики «Артека» и «Орленка» (1957–1991) // *Антропологический форум*. 2020. No. 45. С. 75–115; Nance-Carroll N. *Children and Young People as Activist Authors* // *International Research in Children's Literature*. 2021. Vol. 14. No. 1. P. 6–21. В том же ракурсе утопических техник, но не упоминая сам термин, пишет Майке Баадер о «детской агентности», которая дискурсивно производилась в немецких активистских движениях *Kinderladen* и *Schülerladen* в 1970-х годах: Baader M. *Tracing and contextualising childhood agency and generational order from historical and systematic perspectives* // F. Esser, M. Baader, T. Betz, B. Hungerland (eds.) *Reconceptualising Agency and Childhood: New perspectives in Childhood Studies*. London, New York: Routledge. 2016. P. 135–149.

идей, исследований идеологий и публичной сферы, цифровой антропологии и этнографии соцсетей.

Веб-сообщества ВКонтакте как социально и технологически структурированные публичные пространства

Для описания и анализа веб-сообществ ВКонтакте как специфических пространств производства антиэйджизма в диссертации применяется методологическая перспектива «режимов публичности», разработанная в сборнике «Несовершенная публичная сфера...» Михаилом Велижевым, Татьяной Вайзер и Тимуром Атнашевым¹⁷. Авторы, опираясь на работы Юргена Хабермаса и их критику, формулируют исследование «режимов публичности» как анализ того, как публичные *тексты* (в широком смысле) обретают вес и значимость, задают конвенции и правила публичных высказываний в различных жанрах, а также рамки возможных реакций. Благодаря этому подходу антиэйджистские веб-сообщества ВКонтакте рассматриваются как «локальные публичные места», которые поддерживают разные варианты «режимов публичности». Анализ конкретных практик коммуникации и форм участия, которые структурируют жизнь того, что мы привыкли видеть как «сообщество» в интернете, помогает преодолеть нерелексивное использование понятий «виртуальное сообщество» или «веб-сообщество»¹⁸.

С опорой на теоретические размышления дэны бойд и Элис Марвик о пользовательских представлениях о приватности и публичности цифровых пространств¹⁹ в диссертационное исследование вводится дополнительное измерение к анализу антиэйджистских веб-сообществ ВКонтакте, уточняющее их восприятие именно как интернет-площадок: как, зачем и для кого функционирует и должна функционировать интернет-среда? кто может ее ограничивать? какие задачи решают именно ВК-сообщества, с точки зрения разработчиков платформы, администраторов и подписчиков?

Производство антиэйджистского дискурса в ВК-сообществах

Для анализа антиэйджистского дискурса в диссертации применяется несколько аналитических аппаратов, работающих с проблемой производства и артикуляции знания.

Так как антиэйджистский проект строится вокруг дискурсивного производства групповой категории «ребенок» и «подросток», я обращаюсь к аналитическому языку, разработанному Роджерсом Брубейкером с опорой на работы Эрвина Гоффмана. Анализ «категоризации» и «идентификации» корректирует исследовательские вопросы в сторону рассмотрения процессуальности категориальной работы и акторов, которые производят категории и идентифицируют себя через них²⁰. В этой перспективе «фреймирование»²¹

¹⁷ Атнашев Т., Велижев М., Вайзер Т. Режимы публичности, или Что дает словам вес // Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России. Москва: Новое литературное обозрение. 2021. С. 26.

¹⁸ van den Boomen M. Transcoding the Digital: How Metaphors Matter in New Media. Amsterdam: Institute of Network Cultures. 2014. P. 161–162.

¹⁹ Marwick A., Fontaine C., boyd d. “Nobody sees it, nobody gets mad”: Social Media, Privacy, and Personal Responsibility among Low-SES Youth // Social Media and Society. 2017. Vol. 3. No. 2. P. 1–14; бойд д. Все сложно. Жизнь подростков в социальных сетях. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. 2020. 352 с.

²⁰ Брубейкер Р. Указ. соч. С. 33–35, 43, 73–74.

²¹ Применяя понятие «фрейм», я во многом опираюсь на опыт Марии Львовны Майофис, отраженный в исследовании литературного общества «Арзамас». Согласно Майофис, для того чтобы литературные произведения были прочитаны определенным образом, их авторы создают тексты в символическом соотношении со знакомыми для их аудитории рамочными конструктами публичной критики. Таким образом они «препарируют ситуацию», манипулируя интерпретацией публики. Исследовательская стратегия в таком случае выглядит как анализ контекстов события, поиск предшественников и прецедентов, к которым обращаются акторы фреймирования. Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и

становится основной операцией акторов по конституированию события и самих себя как обладающих «этническим», а в случае антиэйджистских дискурсивных проектов — «возрастным» измерением.

Для систематизации фреймов, использованных антиэйджистами, применяется подход Нормана Фэрклоу, из которого заимствуется синтетический метод анализа, построенный на соотношении «жанров», то есть относительно устойчивых типов высказывания (в моем исследовании — жанр публикации), и «дискурса» как конкретного способа придания смысла опыту. Конфигурация дискурсов и жанров, или «дискурсивный порядок», по мнению Фэрклоу, определяет, что и как может быть сказано о том или ином явлении в конкретной ситуации и участниками конкретной группы²². Таким образом, реконструкция той системы знания о детях, которой придерживались участники в разное время и в разных веб-сообществах, возможна через поиск *микро-стабильностей* в дискурсе, тех жанров и риторических стратегий, которые повторяются в публикациях.

Интеллектуальный контекст теорий дискриминации несовершеннолетних

Для того, чтобы добавить сравнительную перспективу в диссертацию, представив антиэйджизм ВК-сообществ как один из проектов знания о дискриминации несовершеннолетних, применяется подход кембриджской школы истории политической философии, которая постулировала необходимость объединения исследований риторики с историческим подходом. Одним из центральных понятий кембриджского подхода стал термин «контекст», который соединял в себе социально-политический уровень конкретной исторической ситуации (создания, публикации или переиздания конкретного текста) и интеллектуальный контекст, или уровень нормативных языков, «совокупности идиоматических матриц и конвенций», принятых в конкретной дисциплинарной парадигме и составляющих «фон, по отношению к которому проявляет себя автор»²³.

Однако для применения исторического подхода кембриджской школы к разным версиям антиэйджистских теорий необходимо пересобрать перспективу этой реконструкции с учетом современной рефлексии о возможностях публичного высказывания и о потенциальных говорящих и производящих знание субъектах, которыми могут становиться и становятся не только «видные теоретики». С опорой на рефлексии Люка Болтански и Лорана Тевено о способностях к критическим высказываниям²⁴ в диссертации объединяются языки «стихийных социологов», «теоретиков», «экспертов» и «элиты» в один пул материалов, чтобы рассмотреть конкретные контексты и механизмы сборки антиэйджистских теорий. Различные теории, содержащие высказывание об угнетении детей и подростков, или антиэйджистские теории, представлены как проекты

российский модернизационный проект 1815–1818 годов. Москва: Новое литературное обозрение. 2008. С. 160–163.

²² Фэрклоу Н. Политический дискурс в прессе: аналитическая схема // Вахтин Н.Б. (ред.) Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия. Т. 2. Санкт-Петербург: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге. 2015. С. 509.

²³ Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Т. Атнашев, М. Велижев (сост.) Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. Москва: Новое литературное обозрение. 2018. С. 23–31; Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2018. С. 10.

²⁴ Boltanski L. On critique: A sociology of emancipation. Cambridge, Maiden: Polity Press. 2011. P. 4–6, 21. Несмотря на то, что монография «О критике» ознаменовала точку расхождения теоретических рефлексий Тевено и Болтански, суждения, на которые я ссылаюсь, представляют ревизию и более сфокусированный на критике пересказ Болтански их совместной с Тевено работы «Критика и обоснование справедливости». Хархордин О. Предисловие редактора // Болтански Л. Тайны и заговоры. По следам расследований. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2019. С. 14.

знания, которые возникают в академических, активистских и других интерпретативных сообществах²⁵.

Социальные эффекты антиэйджизма: интерпретативная техника и искусство существования

Анализ полевого материала подталкивает рассматривать русскоязычный антиэйджизм ВКонтакте через вопрос о том, как культурные тексты воплощаются в словах и действиях субъектов, или о том, как семантика и прагматика связаны друг с другом. Как замечает Роджерс Брубейкер, «техники себя», «производство себя» и «работа над собой» начиная с 1980–1990-х годов оказываются одной из центральных исследовательских проблем в контексте «больших нарративов» трансформации социальных порядков и в то же время превращаются в «культурное обязательство», «повседневную привычку многих», словно вторя текстам Мишеля Фуко и Николаса Роуза, но исключая интенциональность субъекта в качестве обязательной характеристики²⁶. Случай российского антиэйджизма позволяет снова посмотреть на генеалогическую связь критической теории с эмансипаторными культурами и целенаправленным переводом аналитических тезисов в практически применимое знание — в репертуар реакций на конкретные виды опеки и формы подчинения, в программы воображения и преобразования субъекта и жизни как таковой²⁷.

Концептуализация субъекта, трансформирующего себя посредством дискурсивных практик, производства и потребления текстов, лежит в основе фукольдианской школы анализа дискурса. Если на раннем этапе научной биографии Фуко интересовали скорее дисциплинарные формы, которые конструируют субъекта, здесь фокус направлен на те практики, с помощью которых «индивиды, сами или благодаря другим людям, воздействуют на собственные тела, души, мысли, поведение и способ существования с целью преобразования себя и достижения состояния совершенства [или] счастья»²⁸. Фуко концептуализирует их как «эстетики существования», которые требуют воздействия субъекта на самого себя посредством известного количества «правил поведения, или принципов, являющихся одновременно истинами и предписаниями», которые могут «предлагаться, внушаться и навязываться [субъекту] его культурой, его обществом и его социальной группой»²⁹. Подход Фуко стал отправной точкой для исследования целого ряда исповедальных практик и практик производства себя, в том числе современных форм конструирования идентичности посредством социальных сетей³⁰.

Цифровая антропология: методы полевой работы в онлайн-пространствах

В начале 2000-х годов появление и распространение графических многопользовательских онлайн-игр и виртуальных миров, которые цитировали

²⁵ Термин «проекты знания» и подобный подход использовала Патрисия Хилл Коллинз, обращаясь к теории интерсекциональности как к исследовательской парадигме и активистскому высказыванию, не указывая, однако, методологических оснований этого сопоставления. Hill Collins P. Intersectionality as Critical Social Theory. Durham, London: Duke University Press. 2019. 360 p.

²⁶ Brubaker R. Hyperconnectivity and Its Discontents. Cambridge, Hoboken: Polity Press. 2023. P. 30–40.

²⁷ Rajchman J. Introduction: Enlightenment Today // Foucault M. The Politics of Truth. Los Angeles, CA: Semiotext(e). 2007. P. 25.

²⁸ Фуко М. Технологии себя // Логос. 2008. Vol. 2. No. 65. P. 100.

²⁹ Фуко М. Эстетика существования // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Т. 3. Москва: Праксис. 2006. С. 247, 256.

³⁰ Friesen N. Confessional technologies of the self: From Seneca to social media // First Monday. 2017. Vol. 22. No. 6. URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/6750>; Schüll N. D. Self in the Loop: Bits, Patterns, and Pathways in the Quantified Self // Z. Papacharissi (ed.) A networked self and human augmentics, artificial intelligence, sentience. New York, London: Routledge. 2019. P. 25–38.

представления о физическом мире с «местами и пространствами, телами и объектами»³¹, спровоцировало изобретение в цифровой антропологии методологического проекта, который предполагал воспроизведение «классической» полевой работы в самих онлайн-мирах — с помощью аватара исследователя. Том Боллсторфф, Бонни Нарди, Селия Пирс и Т.Л. Тэйлор были уверены, что «цифровое» можно исследовать, не только подсматривая за практиками пользователей онлайн, фиксируя техники использования технологий «через плечо» информантов или с помощью бесед об их цифровом опыте, но и в режиме «полевого антропологического исследования» — то есть проводя включенное наблюдение, или соприсутствуя с информантами в онлайн-пространствах³². Согласно антропологам виртуальных миров, такие онлайн-игры, как *Second Life* и *World of Warcraft*, должны быть описаны как места «в их собственных терминах», как самостоятельный и требующий отдельного осмысления контекст, который структурирует то, как субъекты взаимодействуют со средой и объектами и как они выстраивают отношения друг с другом³³.

В отличие от виртуальных миров, которые за счет феноменологического и визуального удвоения реальности позволяли концептуально переносить и поле, и полевую практику, и тело антрополога в цифровую реальность, для Боллсторфа и его коллег социальные сети уже не подлежали обоснованию в качестве мест для полевой работы и понимались только как медиа, посредники коммуникации³⁴.

Именно в качестве полевых мест социальные сети стали предметом рефлексии Джона Постилла, Сары Пинк и Джошуа Блюто. Они предлагают сделать цифровые практики пользователей предметом антропологического анализа и исследовать их методами конвенциональной полевой работы³⁵. Такой подход требует от исследователей социальных медиа остранить собственный цифровой опыт и проблематизировать то, как другие пользователи пишут публикации, сообщения, обмениваются постами и ссылками, комментируют или организуют свои страницы. Этим простым, казалось бы, ходом — снять с цифровых практик ореол универсальности и увидеть их локальную природу в рамках конкретного фрагмента интернета — указанные выше авторы вводят важный методологический принцип, который позволяет работать лицом к лицу с другими людьми в текстоцентричных онлайн-пространствах, анализировать социальность, которая

³¹ Boellstorff T., Nardi B., Pearce C., Taylor T. L. *Ethnography and Virtual Worlds: A Handbook of Method*. Princeton, Oxford: Princeton University Press. 2012. P. 122.

³² Авторы описывают методы своей работы как поведение полевого антрополога на виртуальных Тробрианах, опираясь на фрагменты из «Аргонатов западной части Тихого океана» Бронислава Малиновского. Ibid. P. 29–51, 65–91. Чтобы сделать акцент на участии антрополога в жизни информантов, Пирс предлагает уточнить «включенное наблюдение» с помощью нового понятия «соучастное вовлечение» (participant engagement). Pearce C., Artemisia. *Communities of Play: Emergent Cultures in Multiplayer Games and Virtual Worlds*. Cambridge, London: The MIT Press. 2009. P. 210–211, 231–234. Таким образом, там, где виртуальная этнография 1990-х и 2000-х пыталась легитимировать в качестве метода антропологии «включенное наблюдение» как наблюдение без взаимодействия, авторы программы классической полевой работы онлайн сосредоточились именно на отношениях между антропологом и информантами и их соучастии в производстве знания.

³³ Boellstorff T. *Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human*. Princeton, Oxford: Princeton University Press. 2008. P. 60–66; Nardi B. A. *My Life as a Night Elf Priest: An Anthropological Account of World of Warcraft*. Technologies of the Imagination. Ann Arbor: University of Michigan Press, University of Michigan Library. 2010. P. 29; Boellstorff T., Nardi B., Pearce C., Taylor T. L. Op. cit. P. 39, 68–69, 147.

³⁴ Boellstorff T. Op. cit. P. 257; Boellstorff T., Nardi B., Pearce C., Taylor T. L. Op. cit. P. 7–8.

³⁵ Postill J., Pink S. *Social Media Ethnography: The Digital Researcher in a Messy Web* // *Media International Australia*. 2012. Vol. 145. I. 1. P. 123–134; Bluteau J. M. *Legitimising Digital Anthropology through Immersive Cohabitation: Becoming an Observing Participant in a Blended Digital Landscape* // *Ethnography*. 2021. Vol. 22. No. 2. P. 267–285. Хотя указанные авторы репрезентируют свои исследования как альтернативные «классической» антропологии, их аргумент строится на противопоставлении физического и виртуального пространства, но не модусов полевой работы. Подробнее об этом см.: Прус И. В. Что бы сделал Малиновский? Классическая полевая работа в онлайн полях // *Этнографическое обозрение*. 2025. No. 2. С. 226–248.

формируется благодаря взаимодействию людей друг с другом и с окружающей средой — то есть с конкретными социальными медиа.

Данное диссертационное исследование строится на материалах полевой работы в онлайн-сеттинге, которая наследует концептуальным и методологическим положениям «классической» полевой работы, как сформулировали упомянутые выше цифровые антропологи-полевики.

Эмпирическая база

Этнографический материал, цитируемый в работе, собран в период с 2020 по 2024 год и включает архив публикаций, полевые дневники наблюдения в пабликах и чатах, интервью с активными участниками и администраторами антиэйджистских веб-сообществ.

Собранный архив публикаций³⁶ содержит:

— 6 164 записи веб-сообщества «Детско-Молодёжное Освободительное Движение БЗР [Борьба за равноправие]»³⁷; опубликованы в период с 31.08.2012 по 14.01.2025.

— 247 записей веб-сообщества «АЭК: антиэйджистская коалиция»; опубликованы в период с 04.10.2019 по 25.08.2024.

— 571 запись веб-сообщества «Подслушано: эйджизм»; опубликованы в период с 24.01.2019 по 24.02.2022.

— 385 записей веб-сообщества «Голос неголосующих»; опубликованы в период с 19.07.2020 по 26.06.2024.

Чтобы учесть изменения в оформлении групп и пабликов, отредактированные и удаленные публикации и комментарии, был добавлен еще один источник материала — веб-архив исследуемых ВК-сообществ, расположенный на платформе Wayback Machine.

Материалы медиа-архива позволили проанализировать процессы производства антиэйджистского дискурса, изменения риторических стратегий и способов фреймирования антиэйджистских высказываний. Для реконструкции историко-культурного контекста антиэйджизма веб-сообществ ВКонтакте применялись специализированная литература, архивные документы, законодательные акты, произведения культурной индустрии, которые позволяли понять политическую и общественную рецепцию «детского вопроса» в современной России, риторические стратегии и идеологемы, актуальные для русскоязычной публичной сферы.

В то же время некоторые публикации и комментарии, собранные как часть медиа-архива для диссертации, предоставляют информацию об утверждении, отказе или критике установленных в веб-сообществах коммуникативных норм и режимов публичности. При анализе эта информация дополняет полевые наблюдения за взаимодействиями между участниками, материалы, полученные в ходе интервью и разговоров с информантами, архивные документы, законодательные акты, специализированную литературу, посвященную русскоязычному сегменту интернета. Все вместе они выступают важным источником данных для реконструкции социотехнологических условий производства антиэйджистского дискурса и истории антиэйджистских ВК-сообществ.

Реконструкция истории антиэйджизма как идеи о дискриминации детей и подростков происходила посредством обращения к созданным за пределами России и русскоязычного пространства дискурсивным проектам, в которых концепция угнетения детей и подростков изобреталась и использовалась как самостоятельная социальная и

³⁶ Записи антиэйджистских ВК-сообществ опубликованы в открытом доступе. Авторская орфография и пунктуация сохранены во всех цитируемых в диссертации публикациях и комментариях.

³⁷ Паблик «Детско-Молодёжное Освободительное Движение БЗР (БОРЬБА ЗА РАВНОПРАВИЕ)» имеет две веб-страницы: официальное ВК-сообщество, созданное в 2012 году (<https://vk.com/joinbZR>), и вторая страница от 2013 года, выполняющая функцию архива или дублера ленты первой группы (https://vk.com/bZR_jumor). Основное повествование идет об официальном ВК-сообществе.

теоретическая проблема. Одним из маркеров таких проектов выступает использование специальных терминов — в данном случае, понятия *ageism*, *adultism* и *childism*. Среди таких проектов можно назвать подростковые активистские организации Youth Liberation, Students Rise Up, Youth Power и NYRA (National Youth Rights Association), самиздатский журнал «No! Against Adult Supremacy», академические направления, основанные Элизабет Янг-Брюль и Джоном Воллом, и другие упомянутые в диссертации примеры антиэйджистской дискурсивной работы.

За четыре года работы с антиэйджистами со мной вышло на связь и регулярно поддерживало общение 18 пользователей, примерно 2/3 из общего числа активных в этот период авторов, администраторов и участников антиэйджистских ВК-пабликов. Эта оценка состава антиэйджистских веб-сообществ основана на моих личных наблюдениях во время полевой работы в пабликах и чатах и соответствует мнению моих информантов. Мои собеседницы, администраторы антиэйджистских ВК-сообществ Аня и Катя предполагали, что с момента появления чата в одном из пабликов в 2016 году и до нашего разговора можно вспомнить около 50–60 участников, которые появлялись в качестве активных авторов или завсегдатаев беседы (04.03.2022: Аня, 24 года, 12 лет в АЭ³⁸; 21.08.2021: Катя, 18 лет, 4 года в АЭ). К 2020 году, к началу моего поля, публиковали тексты и общались в чатах около 30 антиэйджистов. В чате паблика «Голос неголосующих», который стал альтернативной площадкой для активных антиэйджистов последних лет, состояло примерно 20 человек³⁹, так как в него не входили администраторы пабликов БЗР, АЭК и «Подслушано: эйджизм».

С моими собеседницами и собеседниками мы встречались как минимум для одного большого разговора, в ходе которого я касалась трех тем: биография (отношения с родителями, учителями, сверстниками, школьная повседневность), медиа (пользовательский опыт, отношение к интернету, медиа-привычки) и участие в антиэйджистских пабликах. За единственным исключением с информантами я никогда не встречалась оффлайн, так же, как и они друг с другом, — все мы проживали в разных городах и взаимодействовали исключительно онлайн. После интервью мы продолжали общаться в групповых и индивидуальных чатах или с помощью видео- и аудиозвонков, в ходе которых могли вести как большие разговоры о формах несправедливости к несовершеннолетним, так и общение в формате «как дела?», коротких бесед о происходящем в школе, в России и мире. Все эти материалы позволили реконструировать контексты, в которых участие в антиэйджистских веб-сообществах ВКонтакте обретало значение и значимость для моих информантов. В то же время как интервью, так и регулярные взаимодействия позволяли увидеть антиэйджизм не только как медиа-феномен, опубликованные тексты и ВК-сообщества, но и как интерпретативную технику, программу социального воображения и жизни моих информантов.

Научная новизна исследования

Данная диссертация представляет единственное на сегодняшний день исследование антиэйджистского дискурсивного проекта в России. В рамках диссертации представлен аналитический подход, нехарактерный для исследований детства, в котором дискурсивный проект несовершеннолетних рассматривается как проект знания, обладающий собственной интеллектуальной историей. В этой перспективе антиэйджистский дискурс может сопоставляться с представлениями и концепциями о детстве, сформулированными академическими теоретиками, политиками и активистами, с

³⁸ Все имена информантов были изменены. «12 лет в АЭ» — сокращение от «12 лет в антиэйджизме», которое означает период времени с момента знакомства информанта с любым антиэйджистским ВК-сообществом до даты проведения интервью.

³⁹ Периодически в чат «Голоса» заходили новые участники, а некоторые были исключены, но с лета 2021 года и до закрытия чата в 2022 году в нем было не больше 25 человек.

одной стороны, с другой — пониматься в более широком контексте становления и распространения языка критических теорий социального доминирования и влияния гуманитарного знания на социальное воображение и повседневность субъектов. Диссертация вводит в научный оборот корпус этнографических данных о низовой социальной критике в русскоязычном интернете 2010-х годов⁴⁰.

Кроме того, эта работа — одно из немногих антропологических исследований подростковых медиа-практик и медиа-практик в целом, которое написано с опорой на полевую работу в онлайн-сеттинге. Диссертация содержит методологическую рефлекссию о том, как может проводиться цифровое исследование в соответствии с антропологическими конвенциями о полевых методах, и эмпирические результаты и аналитические заключения, позволяющие говорить о преимуществах и ограничениях цифровых полевых исследований.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Антиэйджистские веб-сообщества ВКонтакте, созданные несовершеннолетними и молодыми людьми и предназначенные для них, становились пространствами, которые провоцировали и рационализировали критику повседневной жизни, социальных норм и категориальных аппаратов, задавая ей конкретную тему — детско-взрослые отношения.

2. Осмысление детско-взрослых отношений в антиэйджистских ВК-сообществах опирается на три дискурсивных порядка, которые становились доминирующими в разные периоды существования групп и пабликов: «дискурс травмы» (2012–2015 гг.), риторически представляющий детство как период постоянных обид, наносимых взрослым миром; «дискурс угнетения» (с 2015 г.), сопровождавшийся появлением обобщенных рассуждений о дискриминирующем языке или об экономическом (и политическом) угнетении несовершеннолетних; и «терапевтический дискурс» (с 2018 г.), предполагавший новую форму автобиографического повествования с акцентом на связи психологических и эмоциональных страданий с тотальной несправедливостью по отношению к несовершеннолетним.

3. Трансформации инфраструктуры и нормативного поведения в соцсети ВКонтакте повлияли на производство антиэйджистского дискурса. Представления о свободных форумах и формат открытой «ленты» обусловили производство групповой идентичности антиэйджистов за счет наращивания личных свидетельств несправедливости, а нормализованное к середине 2010-х гг. отношение к веб-сообществам как к управляемым интернет-площадкам привело к модерации контента, что способствовало выработке мета-критического антиэйджистского дискурса.

4. Русскоязычный антиэйджистский дискурсивный проект типологически сопоставим с рефлексией последователей новой социологии детства. Авторы академической теории угнетения несовершеннолетних и ее вернакулярной версии в антиэйджистских ВК-сообществах, не имея никакого прямого отношения друг к другу, опирались на конструктивистские идеи об организации социального мира, искали скрытые отношения доминирования, составляющие тотальную систему угнетения, мобилизовали риторику социальной справедливости, заимствовали из феминистского дискурса логику построения интерпретаций и специфический вокабуляр для описания и анализа положения детей и подростков.

5. Антиэйджизм манифестируется не только в виде публикаций, но и как своеобразный способ самоидентификации и целенаправленной работы с собственной биографией, повседневностью и отношениями с другими. Этот акцент на житнетворчестве

⁴⁰ См. примеры подобных исследовательских вопросов, решенных исключительно анализом публикаций: Никопорец-Такигава Г., Паин Э. (ред.) Интернет и Идеологические Движения в России. Москва: Новое Литературное Обозрение. 2016. 480 с.

позволяет говорить о типологической сопоставимости антиэйджистских ВК-сообществ с утопическими сообществами, превращающими идеологемы в практики изменения себя.

6. Антиэйджизм функционирует как высокоэффективная интерпретативная техника, которая позволяет увидеть вызывающий вопросы и недоумение социальный мир как объяснимый и последовательный, переводя любые ситуации и отношения на язык возмущения несправедливостью к детям и подросткам — будь то строгость родителей, пренебрежение со стороны знакомых, подчиняющая школьная повседневность или наблюдаемые в окружающем обществе насилие, anomia и апатия.

7. Кейс антиэйджистских ВК-сообществ позволяет увидеть, что приемы критической теории и социально-конструктивистской парадигмы могут функционировать вне академического и активистского праксиса в виде повседневных лексиконов и риторических конструкций и могут участвовать в создании дискурсивных пространств, в которых возможно не только подвергать сомнению нарративы о детстве и родительстве, здравый смысл и законодательные проекты, но и ставить неудобные вопросы самим себе и культивировать практику вопрошания как повседневное упражнение.

8. Классическая модель полевой работы Б. Малиновского может выступать как концептуальным, так и методологическим основанием для проведения цифрового полевого исследования в социальных медиа. Она предполагает проживание онлайн повседневности совместно с информантами, описание конкретного полевого интернет-места в его собственных терминах и проблематизацию возникающих в нем практик и социальных отношений.

Теоретическая и практическая значимость работы

Научная значимость исследования обусловлена рядом представленных в нем теоретических рассуждений, которые оказались возможны благодаря длительной этнографической работе. В рамках антропологического исследования антиэйджистских веб-сообществ в представленной диссертации удалось проблематизировать роль цифровых практик и цифрового контекста в производстве вернакулярной критической теории, описывающей взаимоотношения, или скорее конфликт, между возрастными группами. В то же время проработка интеллектуального контекста тех риторических и интерпретативных приемов, которые использовали авторы-антиэйджисты, показала механизмы производства и воспроизводства, трансфера и редактирования социально-конструктивистских идей, функционирующих вне академического и вне активистского праксиса. Эти же теоретические заключения позволили поставить критические вопросы к существующему языку описания и анализа детства в гуманитарных исследованиях, показав их альтернативные модусы функционирования в качестве категорий практики, ангажированных концепций, обладающих социальными и политическими эффектами и конкретным историческим контекстом создания. Результаты полевой работы позволили на эмпирическом материале проблематизировать и показать процессы превращения дискурсивных форм в практически применимое знание, в программы воображения и преобразования субъекта.

Материалы диссертационного исследования значимы и в методологической перспективе: в них содержатся разработанная программа проведения полевого антропологического исследования в онлайн-сеттинге, ее историография, рефлексия об эпистемологических основаниях и практических приемах ее реализации.

Отдельные положения диссертации могут быть использованы для подготовки лекционных и семинарских занятий по антропологии детства, антропологии знания и критических теорий, цифровой антропологии и цифровым полевым исследованиям.

Степень достоверности и апробация результатов

Результаты диссертационного исследования были представлены в ряде докладов на научных мероприятиях: доклад «Мелодрамы повседневной жизни: нарративные стратегии и социотехнологические режимы в ВК-пабликах “Подслушано”» на Всероссийской научной конференции «Словесность и (новые) медиа» (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург. 29–31 октября 2025); доклад «Изобретая антиэйджизм: паблики ВКонтакте и техники самодисциплины» на международной научной конференции Центра молодежных исследований «Агентность и устойчивость молодежи в эпоху глобальных вызовов» (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург. 31 октября – 1 ноября 2024); доклад «Child at the Center of Children’s Debate: Discrimination against Children and Adolescents and its Definitional Dilemmas» на восьмой ежегодной конференции, посвященной детям и подросткам (The 8th International Conference on Childhood and Adolescence (ICCA), Peniche, the Portuguese Republic. 24–26 января 2024); доклад «“Что бы сделал Малиновский?”: как цифровая антропология реанимировала классическую полевую работу» на II Всероссийской научной конференции «Цифровизация общества: трансформация повседневных практик и исследовательских перспектив» (НИУ ВШЭ, Москва. 11–12 декабря 2023); доклад «“ДЕТИ-ТОЖЕ ЛЮДИ!”: риторика угнетения в антиэйджистских пабликах ВКонтакте» на междисциплинарной конференции «Быть как дети? Инфантилизация и границы взросления сегодня» (Европейский университет в Санкт-Петербурге. 19–20 ноября 2021); доклад «От “тупого быдла” в интернете до нового героя протестов: прозвище “школота” как место воображения подросткового участия в публичной сфере» на конференции «Общее место: риторика, политика, культурная память» (Лаборатория историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС, Москва. 30 сентября – 02 октября 2021).

Материалы диссертации были использованы для подготовки лекций о цифровой антропологии и цифровых полевых исследованиях в рамках магистерской образовательной программы «Цифровые методы в гуманитарных исследованиях» Университета ИТМО в 2023 и 2024 году.

Некоторые фрагменты диссертационного исследования обсуждались на полевых и исследовательских семинарах факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Основные результаты по теме диссертации изложены в пяти исследовательских статьях, четыре из которых опубликованы в журналах, рекомендованных Всероссийской аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ; в трех рецензиях и реплике в журнале «Антропологический форум».

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников, списка использованной литературы и списка участников исследования. Во Введении обоснована актуальность темы исследования, представлена степень ее научной разработанности, сформулированы цель и задачи, описана теоретическая, методологическая и эмпирическая база исследования, перечислены положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Антиэйджистские веб-сообщества ВКонтакте: история создания и режимы публичности» посвящена условиям производства антиэйджистского дискурса, а именно технологическому и связанному с ним социально-культурному ландшафту социальной сети ВКонтакте. В этой части диссертации представлена история создания и изменения антиэйджистских групп и пабликов и анализ тех коммуникативных возможностей, которые могли осуществиться в соцсети ВКонтакте, и тех, которые избирали администраторы и модераторы-антиэйджисты. Рассказы информантов и задокументированная в «ленте» история русскоязычного антиэйджизма помещаются в контекст обновлений платформы и государственной политики в отношении интернета и

сопоставляются с трансформацией представлений создателей ВКонтакте и обычных пользователей о том, как должна работать соцсеть. В **параграфе 1.1 «“Детско-Молодёжное Освободительное Движение БЗР”: от группы к паблику»** описан делиберативный период, для которого характерен свободный доступ к высказыванию и отсутствие модерации контента. Администраторы БЗР ориентировались на знакомые им образцы коммуникации — многопользовательские чаты и форумы — и на утопические представления об интернете как о месте продуктивной дискуссии равных незнакомцев с разными взглядами и интересами. После появления новых лидеров мнения в антиэйджизме и спровоцированного ими раскола на несколько ВК-пабликов каждый коллектив антиэйджистов выработал свой канон антиэйджистского высказывания и режим участия в веб-сообществе, которые поддерживались с помощью редакторской работы администраторов и модераторов и функции «предложки»⁴¹ (**параграф 1.2 «Политизация АЭК: “Центральный Комитет” и прямое действие»; параграф 1.3 «“Подслушано: эйджизм”: между модерацией и цензурой коллектива»**). Это изменение режимов публичности происходило в контексте расширения сфер контроля государственных и корпоративных акторов в российском сегменте интернета и постепенной нормализации представления о веб-сообществах как об управляемых информационных площадках. На заре существования антиэйджистских пабликов ВКонтакте появился новый режим публичности, выстроенный по аналогии с независимыми медиа-изданиями. Администратор веб-сообщества «Голос неголосующих» создала такое коммуникативное пространство, которое подталкивало разных интерпретаторов антиэйджизма на дискуссии и споры и тем самым производило видимость и сложность антиэйджизма как интеллектуального проекта (**параграф 1.4 «“Голос неголосующих”: первое антиэйджистское СМИ»**). Эти режимы публичности напрямую соответствуют изменениям риторических стратегий производства антиэйджистского дискурса. В выводах этой главы ставятся вопросы о появлении специфической формы низовой социальной критики в русскоязычном интернете 2010-х годов, которая проблематизирует конвенциональные определения «активизма» и описание истории публичной сферы России и ее актуальной действительности.

Вторая глава «Производство антиэйджистского дискурса» строится на анализе дискурсивных стратегий в антиэйджистских веб-сообществах. В этой части диссертации выделены три варианта производства антиэйджистского высказывания в зависимости от способов интерпретации детско-взрослых отношений — с помощью фреймирования эйджизма как групповой травмы, системы угнетения и источника психологического страдания. Анализ каждого дискурсивного порядка (конфигурации риторических стратегий и жанров публикаций) сопровождается рассмотрением контекстов его появления в антиэйджистских веб-сообществах ВКонтакте, способов его обоснования и условий, при которых он становился доминирующим в определенные периоды антиэйджистского проекта. В **параграфе 2.1 «Дискурс травмы: “детский вопрос” в варианте ВК-группы БЗР»** рассматриваются риторические стратегии, возникшие в самом первом антиэйджистском веб-сообществе БЗР и определявшие публикационный репертуар антиэйджистов в 2012–2015 годах. Публикации этого периода строились вокруг фреймирования детства как периода постоянных обид, несправедливости и, самое главное, травм, источником которых выступал «взрослый мир». Авторы группы БЗР противопоставляли свои тексты неоконсервативному повороту в государственной политике и моральным паникам вокруг детства, совершая инверсию публичной риторики «детского вопроса» в первой половине 2010-х годов, в которой дети и подростки конструировались и беззащитными, и опасными существами, без моральной и политической субъектности. В то же время авторы БЗР интериоризировали и перестраивали алармистскую риторику, подражая официальному дискурсу власти и

⁴¹ Строка ввода текста, которая стала обязывать авторов-антиэйджистов отправлять свои публикации не сразу в общедоступное пространство веб-сообщества, а администратору на проверку и редактуру.

распространенным способам ведения дискуссий среди русскоязычных пользователей в это время: конструировали свой вариант «языка вражды» для обсуждения детско-взрослых отношений и репрезентировали «взрослых» как «врагов». Открытая «лента» группы БЗР сделала возможным производство групповой идентичности травмированных именно эйджизмом несовершеннолетних за счет свободного доступа к высказыванию и вследствие этого количественного наращивания личных свидетельств несправедливости. В параграфе 2.2 «“Ребенок” как “угнетенный”»: переопределение по аналогии» проанализирован переход от свидетельств личных обид к публикации текстов, в которых авторы-антиэйджисты осуждают тотальную систему эйджизма. Появившаяся в 2015–2016 годах централизованная модерация контента структурно определила создание метакритического антиэйджистского дискурса. Новая инфраструктура пабликов препятствовала реактуализации известных антиэйджистам жанров (преимущественно автобиографических текстов) и закрепляла канон теоретических конструкций, которые разоблачали угнетение, эксплуатацию или господство независимо от форм, которые те принимают. Концептуализация «детей» как жертв структурной дискриминации потребовала новых риторических ходов — например, проведения аналогий с феминистской и другими правозащитными и эмансипаторными повестками, — что привело к появлению новых «детских» сюжетов, стратегий их обсуждения и программных требований антиэйджистов. Изучение русскоязычного феминистского дискурса в этот период, его политической и общественной рецепции позволяет объяснить, почему антиэйджисты узнавали в феминизме культурного союзника, а в его риторике — способ обсуждать детские и подростковые проблемы. Параграф 2.3 «Терапевтический нарратив и новый язык разговора о чувствах: эмоциональный поворот в антиэйджистском дискурсе» посвящен анализу терапевтического фрейма в антиэйджистском дискурсе. В 2018–2019 годах этот фрейм был выработан в антиэйджистских пабликах, отвечая запросам участников на жанры и риторические стратегии репрезентации себя как автономных и самостоятельных субъектов, чья приватная жизнь должна стать предметом публичного обсуждения и социально значимой проблемой. Понимание детско-взрослых отношений на языке терапевтической культуры позволило антиэйджистам говорить об индивидуальных психологических и эмоциональных состояниях как проявлениях систематического угнетения несовершеннолетних. В то же время представление о сложном «внутреннем мире» любого человека, императивы эмпатии и сострадания заставляют авторов-антиэйджистов критически относиться к собственным интерпретациям и отказываться от одномерных репрезентаций взрослых и несовершеннолетних.

Третья глава «Исторический и интеллектуальный контекст антиэйджистских теорий» позволяет посмотреть на кейс антиэйджистских ВК-сообществ под другим углом — как на событие в истории формулирования теорий дискриминации несовершеннолетних. В параграфе 3.1. «Появление антиэйджистских теорий: исторический контекст» описан исторический контекст возникновения концепции дискриминации несовершеннолетних — а именно популяризация языков гражданских движений, формирование представления о детях и подростках как о социальной группе и политические события и процессы, на которые реагировали герои этой главы. С особым вниманием к задействованным репертуарам риторических стратегий в параграфах анализируются активистские (параграф 3.2. «“Эйджизм” в активистской практике») и исследовательские проекты (параграф 3.3. «Академический вариант теории угнетения несовершеннолетних»), которые были созданы за пределами России и русскоязычного пространства и разрабатывали идею о дискриминации детей и подростков. Эта глава предоставляет сравнительный материал для анализа русскоязычного антиэйджизма ВКонтакте, позволяет подсветить особенности его возникновения и функционирования, с одной стороны, и поместить его в более широкий интеллектуальный контекст, с другой. С опорой на главный вывод этой главы — о типологическом сходстве академической теории

угнетения несовершеннолетних и антиэйджистского дискурса в веб-сообществах ВКонтакте на интеллектуальном и языковом уровне — приводится размышление о механизмах производства низовых критических теорий и о специфике кейса русскоязычного антиэйджизма.

В четвертой главе **«Антиэйджизм: между риторическим приемом и искусством существования»** рассматривается, как антиэйджистский текст не только артикулируется в пространстве публика, но и воплощается в социальном воображении антиэйджистов. Таким образом, в диссертации происходит переход от угнетения несовершеннолетних как текстуального мотива к техникам, которые антиэйджисты используют при воображении и репрезентации себя и других. В **параграфе 4.1 «Критиковать и оправдывать: знакомство с антиэйджизмом как стратегия работы с прошлым»** приводится анализ того, как участие в публиках заставляет моих информантов последовательно переосмысливать свое прошлое, выстраивать насыщенный рассказ об узнавании себя в антиэйджистских публикациях и репрезентировать этот процесс как переломное событие в жизни. **Параграф 4.2 «Антиэйджизм как искусство существования»** посвящен антиэйджистским техникам изменения себя, к которым прибегали мои собеседники и собеседницы, чтобы выстроить свою жизнь в соответствии с антиэйджистским проектом. В этой части диссертации показано, как мои информанты применяют антиэйджизм для того, чтобы описывать, анализировать и понимать себя, отношения с другими и окружающий мир; как они обосновывают для себя участие в антиэйджистских веб-сообществах; как они оправдывают изменение практик коммуникации с взрослыми, сверстниками и детьми младше; как мои информанты размышляют о траекториях своей жизни, ссылаясь на антиэйджистские ценности. **Параграф 4.3 «Изобретение и деконструкция антиэйджиста в биографическом нарративе»** посвящен сюжету изобретения себя как антиэйджиста в биографическом нарративе на материалах расширенного повествования о личной жизни. Параграфы 4.1 и 4.3 отражают не только разные стили артикуляции момента становления антиэйджистом (как события и как процесса), но и две принципиально разные по характеру полевые ситуации, в которых отразились пертурбации политического ландшафта, изменения внутри антиэйджистского сообщества, личные перипетии жизни моих собеседников и трансформация отношений между мной, исследованием и моими информантами. Таким образом, антиэйджистская техника артикуляции и производства себя представлена как динамичная и контекстуально изменяющаяся практика, а биографическое повествование — как фрагмент коммуникативного пространства, в котором эти изменения нашли наиболее отчетливое выражение. Последний параграф позволяет сформулировать тезис о гибкости антиэйджизма как интерпретативной матрицы, которая позволяет моим информантам обнаруживать в типологически несопоставимых ситуациях и контекстах несправедливость к несовершеннолетним и, следовательно, обосновывать для себя участие в антиэйджистских ВК-сообществах. В выводах этой главы ставится вопрос об антиэйджизме как утопическом воображении и утопических практиках и формулируются методологические импликации для анализа детства и детской агентности, на которые провоцирует исследование антиэйджистских ВК-сообществ.

В **Заключении** обобщаются все сделанные этнографические наблюдения. На основании проведенного цифрового полевого исследования и полученных материалов предложены некоторые возможные траектории развития антропологии низовой социальной критики в России и антропологии русскоязычного сегмента интернета.

С самого начала своего существования антиэйджистские веб-сообщества ВКонтакте функционировали как пространства, которые рационализировали критику повседневной жизни, социальных норм и категориальных аппаратов. Артикулированные в публичной сфере образы не-агентного ребенка — несамостоятельного и незащитного, неспособного к рефлексии и актам выбора, непредсказуемого и от этого требующего специальных способов контроля, безответственного и глупого — провоцируют появление

критики антиэйджистов, языка, который бы делал видимыми их претензии на изменения такого социального мира, в котором законом и логикой обывательского здравого смысла они ограничены в правах и моделях поведения. Авторы-антиэйджисты добиваются убедительности своих критических построений за счет символической силы актуальных и доступных для воспроизведения риторических стратегий, образов и словаря — алармистской и конспирологической риторики, риторики социальной справедливости и терапевтического дискурса. То, как производился антиэйджистский дискурс на протяжении десяти лет, можно понять как реакцию и на интенсифицирующийся охранительный дискурс государственной политики по отношению к несовершеннолетним (и не только), и на популяризацию и массовое распространение новых языков говорения о субъекте и обществе. Таким образом, антиэйджистские ВК-сообщества выступают не только примером изолированного дискурсивного «подросткового бунта», но и кейсом, который позволяет проблематизировать тенденции в публичной риторике в России 2000–2010-х годов — а именно социальные эффекты неоконсервативного режима, официального дискурса детской политики России, риторики социальной справедливости и прав человека и терапевтического языка разговора о чувствах.

Однако феномен антиэйджистских веб-сообществ ВКонтакте не исчерпывается историей подражания и эксплуатации актуальных дискурсов. С одной стороны, авторы-антиэйджисты творчески и порой остроумно подходят к имитированию, заимствованию и переписыванию чужой риторики, вырабатывая в процессе нетривиальное и совсем не популярное высказывание о возрастной дискриминации несовершеннолетних. Так, они разбирают на части официальные речи государственных деятелей и, помещая их в контекст антиэйджистского высказывания, подталкивают читателей воспринимать их как устрашающе нелогичные, абсурдные и противоречивые утверждения. Таким образом, авторы-антиэйджисты приходят к выводу, что образы «детей» и «детства» зачастую функционируют как инструменты мистификации и морального прикрытия. На этом же тезисе настаивают и некоторые исследователи публичной сферы и детской политики России. В процессе перечитывания понятия «гендер» и его замены категорией «возраст» антиэйджисты не только изобретают новые термины, но и придумывают собственную мета-критическую теорию тотальной системы асимметричных детско-взрослых отношений, которая близка и по риторическим приемам, и по аналитической логике академическим текстам авторов новой социологии детства и их последователей.

С другой стороны, мои собеседницы и собеседники интерпретируют антиэйджистский дискурс, аналогично тому, как рядовые сотрудники советских идеологических институтов и их публика в работах Сони Люрман или Анны Кругловой заполняют конкретными и актуальными для самих себя смыслами схематичные, абстрактные или догматичные рекомендации по обсуждению «идеологически важных» тем⁴². Так, они перечитывают свое прошлое, выстраивают для себя новые стратегии коммуникации, проверяют свои решения на соответствие антиэйджистским ценностям и непрерывно упражняются в таком способе воображения и интерпретации социального мира, в котором точкой отсчета выступают детско-взрослые отношения как требующая изменений тотальная система угнетения. Анализ нарративов о личной жизни не только показал различные контексты, в которых антиэйджизм обретал значение и значимость для моих собеседниц и собеседников, но и позволил зафиксировать гибкость антиэйджистской интерпретативной техники в переводе биографических фактур, несопоставимых между собой, на язык общего возмущения несправедливостью по отношению к детям и подросткам.

⁴² Luehrmann S. The Modernity of Manual Reproduction: Soviet Propaganda and the Creative Life of Ideology // Cultural Anthropology. 2011. Vol. 26. I. 3. P. 369–374; Kruglova A. Social Theory and Everyday Marxists: Russian Perspectives on Epistemology and Ethics // Comparative Studies in Society and History. 2017. Vol. 59. No. 4. P. 762–763.

Помимо того, что антиэйджизм увлекает своей экзотичностью, несмотря на, казалось бы, совершенно банальные сюжетные элементы — знакомые всем паблики ВКонтакте, вариация на тему «подростковый бунт», — его анализ помогает ставить более масштабные вопросы, выходящие за пределы этого кейса. Так, появление антиэйджистских ВК-сообществ можно поместить в контекст возникновения новой гражданской культуры на глобальной сцене и массового появления «идеологически направленных» веб-площадок в русскоязычных фрагментах интернета. Анализ дискурсивной работы авторов-антиэйджистов помогает как бы «разблокировать» незаметные сюжеты, связанные не только с выражением несогласия по отношению к институтам власти и государственной политике, но и с проблематизацией повседневности, условий и языка, предлагаемого разными представителями «большого» общества. Более того, именно технические возможности (или аффордансы) соцсети ВКонтакте способствовали тому, что авторы-антиэйджисты смогли с нуля собрать «эйджизм» как проблему. Свободный доступ к публикации в раннем БЗР играл ключевую роль в производстве видимости массового несогласия с представлениями о детско-родительских и детско-взрослых отношениях. «Предложка», редакторская работа, возможность создать чат для закулисного обсуждения, — все это подталкивало коллективно прорабатывать идеи о проявлениях эйджизма в различных измерениях жизни и искать новые и нетривиальные подходы к содержанию публикаций. Пример антиэйджистских ВК-сообществ показывает, что в начале 2010-х годов платформа ВКонтакте становилась не только площадкой для мобилизации и для критики власти, но и способствовала появлению специфической формы коллективного выражения несогласия, или своеобразного вида активизма, участники которого делали ставку не столько на артикуляцию и распространение своих идей или привлечение союзников и последователей, сколько на процесс формулирования и обоснования альтернативного взгляда на мир.

Введение сравнительной перспективы русскоязычного антиэйджизма и англоязычных теорий угнетения несовершеннолетних позволило не только реконструировать историю концепции дискриминации несовершеннолетних и представить антиэйджизм веб-сообществ ВКонтакте как ее часть, но и подсветить интеллектуальное и языковое сближение академической критики детско-взрослых отношений и ее вернакулярной версии в пабликах ВКонтакте. Преследуя одну и ту же цель — сделать видимым угнетение детей и подростков, — оба этих проекта знания обратились к одним и тем же риторическим стратегиям и традициям мысли. Другими словами, интеллектуальное и языковое сближение академической и вернакулярной теорий дискриминации несовершеннолетних можно понять как результат общих шагов, предпринятых в процессе производства знания. И исследователи детства, и авторы-антиэйджисты опирались на конструктивистские идеи об организации социального мира, искали скрытые отношения доминирования, составляющие тотальную систему угнетения, мобилизовали риторику социальной справедливости и, главное, заимствовали из феминистского дискурса логику построения интерпретаций и специфический вокабуляр для описания и анализа положения детей и подростков.

Более того, история антиэйджистского дискурса как вернакулярной критической теории подсвечивает еще одну сюжетную линию — а именно лежащие в его основе конструктивистские способы интерпретации мира. Как показывает анализ производства антиэйджистского дискурса в ВК-сообществах, авторы-антиэйджисты начали артикулировать свои конструктивистские интуиции в отношении организации социального мира не под влиянием адаптации феминистского дискурса и риторики угнетения (под влиянием этих дискурсивных стратегий их конструктивистские интуиции обрели более последовательное обоснование), — но тогда, когда они начинают переосмысливать официальный дискурс детской политики России. Изобретая антиэйджизм с помощью и имитации, и критики конспирологической и алармистской риторики детской политики России, авторы-антиэйджисты описывали реальность как недостоверную (где

обманывают все — родители, учителя, политики и защитники детей), в то же время культивируя поиск противоречий в собственной картине мира и стремление узнать, что «на самом деле». Это и привело их к формулированию своей версии критической теории, позволяющей ставить под вопрос распространенные способы категоризации и организации отношений с другими и упражняться в воображении социальной справедливости и хорошей жизни. Понимание антиэйджизма как вернакулярного конструктивизма позволяет выйти за рамки рассмотрения антиэйджизма в его сравнении с исключительно критической теорией к более масштабному вопросу о роли и месте конструктивистской риторики в русскоязычной публичной сфере в 2000–2010-х годах. Таким образом, можно говорить о социальном эффекте не только русскоязычного феминизма и терапевтического языка разговора о чувствах, но и неоконсервативной риторики детской политики России, в процессе и оспаривания, и имитации которой антиэйджисты стали формулировать социально-конструктивистские предположения об организации детско-взрослых отношений.

В то же время феномен антиэйджистских веб-сообществ ВКонтакте показывает еще и иной модус мобилизации социально-критических дискурсов в повседневном регистре. Мои собеседницы и собеседники не знакомы с техниками критической теории и конструктивистскими интерпретациями на образовательном и профессиональном опыте и не используют их как политический камуфляж, интеллигентский жаргон или академический инструментарий. Они опознают в этих аналитических приемах «здравый смысл», вычитанную из повседневного опыта мораль жизни, для которой необходимо только артикулировать никем не проговариваемые, по их мнению, «детские сюжеты». Так, натурализованное описание эйджистской действительности стало для многих антиэйджистов, с которыми я встретила во время полевой работы, не только риторической стратегией написания публикаций, но и эффективной и актуальной программой жизни. Антиэйджистские техники интерпретации мира и опознавались как самостоятельная форма борьбы с эйджизмом, и работали как катализатор изобретения индивидуальных проектов по изменению себя и отношений с окружающими. Этот акцент на жизнотворчестве, к которому каждый антиэйджист приходит как бы самостоятельно, делает антиэйджизм типологически сопоставимым с утопическими сообществами, превращающими идеологемы в практики изменения себя. Мода на различные языки субъектности и тренд на популяризацию гуманитарного знания провоцируют ставить вопрос о функционировании типологически похожих на антиэйджистские ВК-сообщества кейсов в российском контексте и говорить о необходимости их анализа для осмысления форм и специфики низовой социальной критики в России.

В то же время отношение между семантикой и прагматикой, текстами и жизненными практиками, которое было рассмотрено при анализе антиэйджизма веб-сообществ ВКонтакте, позволяет вернуться к теориям исследований детства и уточнить их методологическую перспективу анализа, добавив в нее понимание «детской агентности» как культурной формы, границы и концептуальное наполнение которой могут оспариваться и пересобираться и которую мобилизуют субъекты, чтобы выстроить отношения с собой и другими. Анализ антиэйджистских ВК-сообществ уточняет вопросы к «детской агентности», допуская что она может быть не только присваиваемым статусом субъекта или ситуативным знанием, но и идеологической дискурсивной формой, которая переопределяет приемы самоидентификации и интерпретации повседневности и выступает способом артикуляции городу и миру опознаваемой и желанной социальной роли.

Кейс антиэйджистских веб-сообществ ВКонтакте демонстрирует не только то, как критические социальные теории продолжают «жить», не замечая границ академии, в виде повседневных лексиконов и риторических конструкций, но и то, что они могут становиться самосбывающимися пророчествами, вернакулярными реализациями критической философии и участвовать в создании дискурсивных пространств, в которых

возможно не только подвергать сомнению нарративы о детстве и родительстве, здравый смысл и законодательные проекты, но и ставить неудобные вопросы самим себе и культивировать практику вопрошания как повседневное упражнение.

Публикации автора по теме диссертации

Публикации в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

- 1) Прус И. В. Полевая работа в антиэйджистских пабликах «ВКонтакте»: проблемы методологических стратегий // Антропологический форум. 2025. No. 67. С. 181–208. doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-181-208.
- 2) Прус И. В. Что бы сделал Малиновский? Классическая полевая работа в онлайн полях // Этнографическое обозрение. 2025. No. 2. С. 226–248. doi: 10.31857/S0869541525020125.
- 3) Прус И. В. Справедливость для детей и подростков: критическая теория и антиэйджистские веб-сообщества ВКонтакте // Антропологический форум. 2024. No. 61. С. 11–52. doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-61-11-52.
- 4) Прус И. В. От «тупого быдла» в интернете до нового героя протестов: дисфемизм школоты и репрезентации подросткового участия в публичной сфере // Шаги/Steps. 2023. Т. 9. No. 1. С. 163–184. doi: 10.22394/2412-9410-2023-9-1-163-184.
- 5) Прус И. Рец. на кн.: Лоу С. Пространственное Воплощение Культуры: Этнография Пространства и Места / Пер. с англ. Н. Проценко. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 400 с. // Антропологический форум. 2025. No. 65. С. 244–253. doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-65-244-253.
- 6) Прус И. Рец. на кн.: Rogers Brubaker. Hyperconnectivity and Its Discontents. Hoboken, NJ: Polity, 2023. XI+264 p. // Антропологический форум. 2024. No. 63. С. 223–237. doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-63-223-237.
- 7) Прус И. В. Рец. на кн.: Shai M. Dromi and Samuel D. Stabler. Moral Minefields: How Sociologists Debate Good Science. Chicago: University of Chicago Press, 2023 // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2024. Vol. 16. No. 3. С. 165–168. doi: 10.53483/2078-1938-2024-16-3-165-168.
- 8) Форум: Лингвистическая антропология // Антропологический форум. 2023. No. 58. С. 108–115.

Публикации в других научных изданиях:

- 9) Prus I. Reinventing ordinary life: Melodramatic narratives in Russian social network V Kontakte // M. Balina, D. Adachi (eds.) Melodramatic Russia. Toronto: University of Toronto Press (Принята к публикации).